

Из истории библиотеки Казанской духовной академии

Становление библиотеки Казанской духовной академии (КДА) проходило в очень непростых условиях. По высочайшему указу она должна была открыться осенью 1842 г. Но случившийся летом того же года ужасный пожар в Казани уничтожил большое количество зданий, в том числе подготовленное для предполагаемой аренды будущей академии. Первые, самые трудные шесть лет у нее не было своего помещения и занятия проходили в Спасо-Преображенском монастыре, даже в архиерейском доме, в арендуемом просторном доме купчих Мельниковых на ул. Проломной (впоследствии — гостиница «Казань»). Только в 1848 г. академия наконец обрела свое постоянное пристанище в специально построенном для нее здании на Арском поле по проекту известного архитектора А. И. Песке. В отведенной для нее усадьбе, кроме главного корпуса, находились также парк и сад, хозяйственные строения, позднее были выстроены два флигеля, в одном из которых и располагалась библиотека. Все этой собственностью академия владела до 1917 г.

При своем рождении КДА, в отличие от других духовно-учебных заведений, не получила практически никакого «приданого», в том числе и книжного. Святейшим Синодом было от дано распоряжение Казанской духовной семинарии (КДС), а также Московской и Санкт-Петербургской академиям выделить из дублетов их библиотек книги в распоряжение КДА. Речь шла о самых насущных учебниках и учебных пособиях, а пока что преподавателям академии было предложено пользоваться книгами КДС. Но это распоряжение оказалось нелегко выполнимым, хотя семинарскую библиотеку и удалось, к счастью, спасти во время пожара 1842 г., но книги оставались неразобранными и трудно было отыскать нужную и дублеты.

К концу первого учебного года в академии было всего 74 книги. В 1844 г. из Санкт-Петербургской академии поступило 270 наименований книг, а из Московской и Киевской академий — по 128 наименований. Большей частью это были творения святых отцов, средневековые богословские сочинения, древ-

Интерьер библиотеки Казанской духовной академии.
Фото из личного архива О. В. Троепольской.

ние классики, разнородные учебники. Среди книг были сочинения Эразма Роттердамского, Лютера, толкования Священного писания, русские издания Новикова, Щербатова, Карамзина. К концу 1844 г. библиотеку академии, насчитывающую около 900 названий в 1 800 томах, можно было считать более или менее сформированной.

По уставу 1814 г. на покупку книг отпускалась весьма скудная сумма 572 руб. и 72 руб. на покупку периодических изданий. К тому же, из этих средств необходимо было покупать и физические инструменты и пособия. Ясно, что при таких ассигнованиях академическая библиотека не скоро могла бы наполниться книгами необходимыми для ученой и учебной деятельности, если бы не пожертвования со стороны частных лиц всех сословий и положений.

Естественно, что первыми жертвователями были священнослужители. Одним из первых был настоятель Свято-Успенского Зилантова монастыря

о. Гавриил (Воскресенский), имевший славу первого русского историка филологии и преподававший в 1834-1850 гг. в Казанском университете. Он подарил академии «Историю философии» своего сочинения в шести книгах, в четырех экземплярах, историческое описание Зилантова монастыря и другие свои сочинения¹. Часть книг из своей библиотеки подарил Преосвященный Владимир, Казанский владыка, в бытность которого и была открыта КДА, а также первый ее ректор Иоанн (Оболенский), предоставивший библиотеке полные комплекты журнала «Христианское чтение» за 15 лет. Особенно крупными были пожертвования тамбовского помещика, князя Н. Г. Енгальцева — 1 003 названия и коллежского ассессора И. В. Калашникова — 1 084 названия в 1 523 томах, а также Архиепископа Калужского Григория (Митькевича), бывшего ректором КДА в 1844-1851 гг., — 674 издания, а позднее по завещанию 1867 г. — ценные рукописи и старопечатные книги.

С открытием в 1855 г. в КДА миссионерских курсов и появлением новых кафедр было ассигновано 1 360 руб. для приобретения книг на восточных языках, а также 4 423 руб. для покупки старопечатных книг и рукописей для противораскольничьего отделения. Таких щедрых единовременных поступлений для покупки книг академия больше не видела. А на обычно отпускаемую ежегодно сумму в 572 руб. можно было приобрести не более 100-200 книг. Поэтому правление академии использовало любые возможности для пополнения своей библиотеки. Так, например, она выпрашивала суммы для приобретения книг профессорами академии во время их заграничных командировок. Во время командировки в страны Ближнего Востока профессору Н. И. Ильминскому было отпущено 480 руб. на покупку книг на турецком, арабском и персидском языках, доцент Н. Ф. Красносельцев во время командировки в Италию, Францию и Германию приобрел на сумму 500 руб. много ценных в научном отношении книг, а также фотоснимков и моделей раннехристианских памятников, а доцент М. А. Машанов приобрел в Сирии, Палестине и Египте магометанскую богословскую литературу также на 500 руб. Случались и неожиданные подарки. В марте 1853 г. по высочайшему соизволению из Императорской публичной библиотеки было передано духовно-учебным заведениям 6 080 названий книг. Из этого количества на долю КДА пришлось 1 514. Академическая библиотека стала обладательницей прекрасной коллекции западных средневековых, а также польских писателей, исключительно на латинском языке.

Основную роль играли многочисленные пожертвования частных лиц и различных учреждений. Во все годы такие пожертвования равнялись, а иногда значительно превышали количество книг, покупаемых за казенные деньги. В формировании библиотеки, таким образом, проявилась столь характерная для русского православного мира собранность.

Профессор КДА С. А. Терновский в «Исторической записке о состоянии

Казанской духовной академии после ее преобразования» приводит 238 фамилий лиц — жертвователей разного положения и 70 различных административных, учебных и ученых учреждений, монастырей, обществ и т. д.² Среди имен дарителей встречаем имена, прежде всего, профессоров и доцентов самой КДА. Многократно приносили книжные дары И. С. Бердников, Я. И. Богородский, Е. А. Будрин, А. И. Гренков, А. Ф. Гусев, П. В. Знаменский, Н. И. Ильминский, Н. И. Ивановский, Н. Ф. Красносельцев, Е. А. Малов, В. И. Несмелов, И. Я. Порфирьев, Г. С. Саблуков и многие другие. Вносили свой вклад коллеги из Казанского университета — А. С. Архангельский, И. А. Бодуэн де Куртенэ (преподававший по совместительству в КДА старославянскую словесность в 1876-80 гг.), Н. И. Булич, М. П. Петровский, В. М. Флоринский и другие, которые дарили в основном собственные сочинения. Дарили книги КДА такие известные деятели России, как историки С. М. Соловьев (Московский университет) и К. Д. Кавелин (Санкт-Петербургский университет), академики А. Ф. Бычков и И. И. Срезневский, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, профессор Московской духовной академии А. П. Лебедев и многие другие.

Само собой разумеется, что среди жертвователей были многие архиереи — воспитанники КДА и других академий: митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), Архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович), Архиепископ Иркутский, затем Ярославский Нил (Исакович), приславший большое собрание сочинений по буддизму, митрополит Московский Филарет (Дроздов), Архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров) и многие другие. Весьма ценным было поступление книг из обширнейшей библиотеки скончавшегося Архиепископа Астраханского Афанасия благодаря содействию его восприемника по кафедре, бывшего профессора КДА Хрисанфа (Ретивцева). Ему удалось заполучить из библиотеки Афанасия для КДА более тысячи томов по разным отрас-

лям наук, в особенности апокрифов и исследований о них, памятников Египта и Эфиопии. Покойный владыка Афанасий был знатоком многих восточных языков и собирателем восточных книг. Не забывали свою альма-матер бывшие ее воспитанники. Здесь, в первую очередь, следует назвать имя о. Иакинфа (Бичурина), который был выпускником еще «старой» академии.

Бичурин был по существу основателем отечественной синологии. Проведя в Китае много лет в качестве начальника Пекинской духовной миссии, он занимался научно-литературной деятельностью. Бичурин несколько раз пересылал в КДА свои печатные и рукописные труды, в том числе перевод истории Китая в семи томах. Общее число подаренных Бичуриным книг и рукописей достигало 150 наименований, почти 240 томов. КДА обладала наиболее полной коллекцией трудов выдающегося сиолога*.

Были пожертвования и от иностранцев: митрополита Сербского Михаила, экзарха Болгарского Иосифа, министра просвещения Болгарии М. С. Дринова, английского миссионера Джеймса Лонга, который подарил академии 73 книги.

В перечне административных, учебных, научных учреждений, монастырей, обществ, который приводит в упомянутой книге С. А. Терновский, находятся все духовные академии, многие семинарии, университеты, Императорская публичная библиотека, Румянцевский музей, Палестинское общество, Русское географическое общество, Афонский Пантелеевский монастырь, канцелярия Святейшего Синода, Азиатский департамент МИД России, Императорская академия наук и многие другие.

Особенно обильными были поступления от частных лиц на рубеже XIX — XX вв. Еще при жизни профессор И. С. Бердников передал свою богатейшую библиотеку, содержащую 1 855 названий в 2 848 томах, которая оценивалась по меньшей мере в 10 тыс. руб.

* См. публикацию Л. Гороховой и Л. Хасаншиной «Рукописи о Китае, дневники путешествий по Китаю в НА РТ» на с. 251-256 (прим. ред.).

В 1904 г. в КДА поступила философская библиотека умершего профессора А. К. Волкова, насчитывающая 1 358 названий в 3 045 томах. Весьма ценным был дар почетного члена КДА, настоятеля посольской церкви в Вене протоиерея А. В. Рождественского. Этим даром была библиотека, купленная последним у французского священника и духовного писателя о. Владимира Гетэ, перешедшего в православие. Библиотека насчитывала 1 600 книг. Наследники профессора Н. И. Ивановского пожертвовали его обширную библиотеку. В течение почти полувека передавал книги родной академии выдающийся историк П. В. Знаменский, их количество измерялось тысячами. Выдающийся ученый и полиглот Н. Ф. Катанов передал целиком библиотеку, содержащую множество книг на восточных языках, в основном созданные им же при академии историко-этнографического музея.

В 1855 г. ввиду большого поступления рукописей и старопечатных книг библиотека была разделена на две части: первая — фундаментальная, вторая — отдел рукописей и старопечатных книг. Это событие произошло после перевода библиотек Соловецкого монастыря и Анзерского скита в Казань из-за опасения возможной интервенции английским флотом Соловецких островов во время Восточной (Крымской) войны. Общее количество рукописей этих библиотек составляло 1 480 единиц. Большинство рукописей относилось к XVI-XVIII вв., небольшая часть принадлежала первому собирателю библиотеки игумену Досифею — XV в. Были и две пергаментные рукописи XIII-XIV вв. Историческое значение соловецкой библиотеки заключалось в списках греческих и русских житий святых, различных исторических повестях, апокрифах и сказаниях.

К исследованиям памятников древнерусской словесности, апокрифов, источников по истории раскола были привлечены лучшие научные силы академии и способные студенты. Из шестого выпуска студентов, которые начали изучать рукописи, вышли в дальнейшем талантливые преподаватели ака-

демии: А. П. Шапов, И. М. Добротворский, А. И. Лилов, В. А. Ложкин, ставшие руководителями новых научных направлений: русской истории, русского раскола и славянской палеографии. Профессор русской словесности И. Я. Порфирьев опубликовал на страницах академического журнала «Православный собеседник» большое количество памятников древнерусской литературы и апокрифов со своими объяснениями.

Пользовались материалами соловецкой библиотеки и ученые из других городов. Например, в 1866 г. в рукописном отделе КДА в течение почти трех месяцев над магистерской диссертацией работал выдающийся историк В. О. Ключевский. В связи с публикацией материалов соловецкой библиотеки резко возрос интерес к журналу «Православный собеседник», что позволило активно вести обмен с другими периодическими изданиями. Присылались запросы на журнал из Ватикана, Оксфордского и Гарвардского университетов, Болгарии.

Сохранение книжного богатства составляло предмет особой заботы академического правления. Ежегодно, с тех пор как библиотека заняла свое окончательное место в западном флигеле в 1873 г., проводились ревизии. Как правило, ревизоры находили библиотеку в надлежащем порядке и ходатайствовали перед советом академии о поощрении библиотекарей.

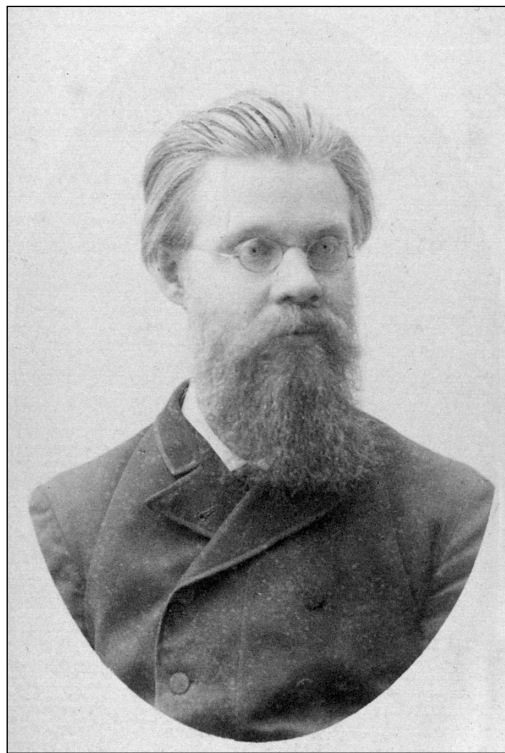
Редкие книги и рукописи выдавались только преподавателям на срок до одного месяца, а книги — на три месяца. Продление срока проводилось лишь по предъявлению взятых книг или рукописей. Книги студентам выдавались по запискам профессоров в количестве не более десяти, для преподавателей число книг не было ограничено. Отъезжающие в отпуск или командировку должны были сдать книги. Исключение книг из каталогов осуществлялось по особому распоряжению правления по причине ветхости или же невозможности отыскания издания в случае смерти абонента. Но это были чрезвычайно редкие случаи. Абоненты, многие

из которых и сами были жертвователями книг, относились с должной бережливостью к книжному богатству академии. Но, к сожалению, было и приискорбное исключение из этого правила, связанное с именем известного историка А. П. Шапова, о котором П. В. Знаменский пишет как о натуре «страстной, увлекающейся, горячей до самых диких выходовок»³. Знаменский описал обстановку, в которой работал Шапов. В комнате, где он занимался, повсюду были разложены или разбросаны книги и рукописи: на столах, на кровати, на подоконнике, на полу. Сам Шапов, стоя за своей конторкой, порой по 15 часов, взбадривал себя крепким чаем, табаком и вином. Работая таким образом, он не щадил не только себя, но и книги. В результате после его увольнения из академии, произошедшего из-за его знаменитой речи на панихиде по убиенным крестьянам в с. Бездна, оказалось, «что за ним пропало 21 наименование книг. Много книг от его неряшливости было испорчено, из некоторых вырваны листы и целые статьи. Из бумаг, оставшихся после проф[ессора] Елисеева (рукописи, перешедшие в распоряжение Шапова. — Б. К.), некоторые документы были представлены не в целости, а некоторые и вовсе перепорчены»⁴.

Пользоваться библиотечными богатствами разрешалось исследователям из других учреждений и из других городов. Всякий раз заявления на высылку рукописей рассматривались на заседаниях совета академии, и, как правило, они удовлетворялись, равно как и сами преподаватели КДА порой запрашивали книги из иногородних библиотек. Библиотека имела прекрасные отпечатанные типографским способом систематические и алфавитные каталоги, которые постоянно пополнялись по мере новых поступлений. Каталоги выдавались бесплатно преподавателям и студентам на каждую комнату. Большим удобством было то, что при заказе книги или рукописи не нужно было указывать ее название и автора, а достаточно было указать шифр книги по каталогу.

Должности библиотекаря и его помощника всегда считались почетны-

Библиотекарь Казанской духовной академии
Ф. И. Троицкий. Фото из личного архива
О. В. Троепольской.

ми. Первыми библиотекарями академии были профессора И. А. Смирнов-Платонов, о. Серафим (Протопопов), П. В. Знаменский, И. Я. Порфирьев. С возрастанием поступлений книг, которые требовалось занести в каталоги и расставить по местам, профессорам стало трудно сочетать свои основные обязанности с библиотечными, поэтому в 1865 г. было решено ввести должности освобожденного библиотекаря и его помощника. Они замещались по конкурсу, иногда на одно вакантное место было до 12 претендентов. Каждая кандидатура тщательно рассматривалась на заседании совета академии, а выбранный кандидат утверждался архиепископом. Кандидаты на должности библиотекаря и помощника имели, как правило, образование не ниже семинарского. Последним библиотекарем КДА был многолетний ее сотрудник Ф. И. Троицкий, прослуживший в библиотеке 33 года. За безупречную долготелетнюю службу он был награжден пятью российскими орденами. По-

сле революции он покинул Казань, и, по сведениям И. М. Покровского, скончался в мае 1924 г.

С 1873 г. библиотека располагалась в специально построенном для нее флигеле, состоящем из 22 светлых, сухих комнат. Отопление осуществлялось калориферами, располагающимися в подвале, теплый воздух подавался по трубам. Книги хранились, по преимуществу, в дубовых шкафах, представлявших большую ценность, таковыми были и книжные витрины. Комнаты нижнего этажа были снабжены решетками.

К 1917 г. книжное собрание библиотеки составляло свыше 150 тысяч томов. Кроме книг по богословию и истории религий и церквей, составлявших значительную часть собрания, библиотека располагала обширными подборками по философии, естествознанию, всеобщей и русской истории, психологии, языкознанию, юриспруденции, экономике, филологии и т. д. Были в ней собрания сочинений античных и современных классиков. Создание уникальной, тщательно подобранной коллекции — заслуга всей ученой корпорации академии.

С установлением новой власти в 1917 г. открылась трагическая страница в истории Русской православной церкви. С принятием ряда постановлений, в том числе секретных 1921 г., началось широкомасштабное наступление на все церковные структуры, которое включало в себя конфискации церковных ценностей, репрессии против священнослужителей и прихожан, закрытие духовных учебных заведений. В 1921 г. была закрыта и КДА, в которой еще велась учебная деятельность в стесненных условиях, а в последние годы занятия проводились на квартирах профессуры.

Была обречена и академическая библиотека. С февраля 1919 г. решением Главного управления архивным делом при ВЦИК РСФСР (Главархив) она была передана в ведение уполномоченного Главархива по Татарской Республике профессора И. А. Стратонова. Библиотека находилась в том же здании, а ее заведующим назначен профессор

КДА И. М. Покровский, который еще в 1918 г. не допустил занятия помещений академии подразделениями Красной Армии. Вообще, профессора Покровскому и Стратонову принадлежит исключительная заслуга в деле сохранения библиотек и архивов Казани⁵. Они, по существу, совершили гражданский подвиг, сохраняя бесценные исторические материалы.

Положение библиотеки резко изменилось с образованием Татарского коммунистического университета (ТКУ) в 1921 г. Руководство ТКУ при поддержке Татнаркомпроса стало возбуждать вопрос о передаче ему в собственность части находящейся в ведении Главархива библиотеки КДА. И такая передача, несмотря на решительные протесты заместителя заведующего Главархива РСФСР В. В. Адоратского (уроженца Казани) состоялась в мае 1925 г. по решению президиума Академического центра Татнаркомпроса (председатель Г. Г. Ибрагимов). По этому решению в пользу ТКУ*, по одним источникам, было изъято 7 тысяч томов, по другим — 10 тысяч.

Как бы то ни было, но в отчете заведующего библиотекой ТКУ А. Фирсова за 1925 г. говорится о том, что «полная обработка книг от бывшей духовной академии явилась бы самостоятельным

заданием для целого года 2-3 высококвалифицированных специалистов»⁶.

Окончательная судьба академической библиотеки была решена на совещании представителей Восточного педагогического университета, ТКУ, Центральной восточной библиотеки и Татпедтехникума. Книжное богатство уникальной библиотеки распределялось между организациями — участниками совещания, часть книг и рукописный отдел передавались в Татарское отделение Главархива (ныне НА РТ). Бурятские книги передавались в Бурятскую Республику, книги и рукописи Йокифа Бичурина — в Ленинградскую библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописи Соловецкого монастыря были переданы в Централархив РСФСР в 1927 г.⁷

В настоящее время часть книжного собрания книг КДА находится в фондах Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета, ТГПУ, Национальной библиотеки, Казанской духовной семинарии, небольшая часть старопечатных книг и рукописей — в Национальном музее РТ. В НА РТ в ф. 80, оп. 5 находятся 1 222 единицы хранения — русские рукописи, в ф. 80, оп. 6, 7 — восточные рукописи в количестве 214 единиц.

Часть книг, которую трудно определить даже приблизительно, оказалась разными путями в руках частных лиц. И поныне можно встретить иногда на стихийных книжных развалах книги со штампом Казанской духовной академии.

* Татарский коммунистический университет просуществовал до 1932 г. и не оставил никакого значительного следа в науке. Не сохранил он в истории ярких имен, за исключением, пожалуй, автора известной книги «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург (матери известного писателя В. П. Аксенова), некоторое время работавшей в этом заведении.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 10, оп. 1, д. 12, л. 10.
2. Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. — Казань, 1892. — С. 132-149.
3. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 годы). — Казань, 1892. — Вып. 2. — С. 115.
4. Там же. — С. 132.
5. Троепольская О., Троепольская Н. Я не столько археолог и музеист, сколько историк-археолог и архивист... (О работе И. М. Покровского в Казанском губернском архиве в 1920-1930-е гг.) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2009. — № 2. — С. 106-122.
6. ЦГА ИПД РТ, ф. 1198, оп. 1, д. 146, л. 7 об.
7. Хасаншина Л. Д. Библиотека Казанской духовной академии в Национальном архиве РТ // Краеведческие среды. Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2003 г. — Казань, 2004. — Вып. 4. — С. 102-106.

Борис Куницын,
историк-краевед

